

вительно специализация (без кавычек) необходима, специфику сельского труда не отменить даже самыми хитроумными директивами. В цехе всегда все относительно, конечно, стабильно: температура, свет, материалы и чертежи. В поле все изменчиво, обстановка меняется порой в течение не часа, а одной минуты. В сенокос, когда идет дождь, можно часами спать в шалаше, а когда ведро, настоящий крестьянин спит по 3—4 часа в сутки. Годятся ли тут такие понятия, как график, поточный метод, смена, нормированный рабочий день и пр.? Полезна ли в сельском хозяйстве узкая специализация, если животноводство никак не может без полеводства, а полеводство до сих пор не могло обходиться без животноводства, то есть без органических удобрений?

Вот до каких вопросов я додумался, пока перешагивал через сугробы на Невском...

1982, 1984

ПРИЧИНЫ ЯСНЫ...

В скверике около нашего колхозного клуба стоит модельный воинский памятник. Александр Кузнецов — здешний киномеханик — на все руки мастер. Он и построил этот обелиск, по своим же эскизам. На кирпичной стене — железный лист, на нем список погибших. Дождь, снег, стужа, ветер и зной безжалостны к этим мелким буковкам. Кузнецов периодически подновляет их, добавляя внизу фамилии, выявляемые школьными следопытами. Мы с Кузнецовым мечтаем о том времени, когда все эти триста семнадцать фамилий будут вырезаны на мраморе либо отлиты, пусть не в бронзе, хотя бы в чугу-не...

Триста семнадцать погибших в боях. Я пока не считал, сколько умерло от фронтовых ран и болезней уже после войны. По-видимому, на защиту Отечества встало не менее шестисот моих земляков, то есть полк или отдельный дивизион, иными словами, целая воинская часть. Размышляя о будущем и о военных опасностях этого будущего, я не могу забыть, что нынче на той же

административной территории в списке призывников всего... шесть человек. А через десять лет не будет и того, так как в первом классе нашей единственной восьмилетней школы учится лишь три (три!) первоклассника. Еще во время войны на территории нынешнего колхоза «Родина» имелось девять колхозов и пять начальных школ, не считая семилетней. Детские голоса звенели в каждой из двадцати восьми деревень.

Демографические дела всерьез заинтересовали меня лет 10 — 12 тому назад, одновременно с делами по пресловутому «проекту века», грозившему испохабить не только северо-запад, но и другие территории. Между обезлюживанием деревень и планами перебросчиков уже и тогда явственно проступала взаимосвязь. Ведь подлежало затоплению и подтоплению множество деревень, сел и даже городов, не говоря уже о лесах и сельхозугодьях. Но тогда же не менее явственно проступала и другая беда, связанная с иным половодьем, с другим разливанным морем. Таким же, впрочем, рукотворным, как Рыбинское, поглотившее перед самой войной старинный город Мологу...

Помнится, в нашем колхозе за один год погибло двенадцать человек. На соседнем лесоучастке угодило в заключение около тридцати, за одно лето было задавлено тракторами и машинами несколько человек. Те, кто давил, остались живы, но, разумеется, перестали быть хлебопашцами. В это время в журнале «Наш современник» появилась статья А. Переведенцева о народонаселении. Автор писал в этой статье, что «люди старше 30 лет стали умирать чаще», что «этой закономерности не ожидал никто. Причины ее не ясны».

Не ясны?

Я послал А. Переведенцеву письмо, в котором перечислил своих детских сверстников:

«Ф. Р. — умер от рака (сильно пил); К. С. — погиб в шахте (пил); В. Д. — задавлен трактором в пьяном виде; Б. М. — то же самое; К. Ш. — погиб на Севере (пил); Н. Д. — покончил с собой в пьяном виде; В. С. — умер от отравления водкой; Х. С. — сгорел заживо в своем доме, будучи пьяным; В. У. — попал под поезд во время похмелья».

Я написал автору статьи, что «моих детских сверстников осталось в живых очень мало, а что будет к нашему 50-летию? Проглядывается ли в этой «статистике»

какая-либо закономерность? История моей деревни типична».

Писалось это в 1975 году. Список же приобретал с каждым годом жуткие, чудовищные размеры. Он расширялся уже не за счет моих ровесников, а за счет последующих поколений, но я напрасно ждал ответа от специалиста по демографии.

Вскоре я обратился к президенту АМН СССР Н. Н. Блохину:

«Беда достигла небывалых размеров. Вы, надеюсь, не будете отрицать, что алкоголь — это наркотик. И он, подобно чуме, проникает в каждый дом, в каждую семью, разрушая социальные связи, уничтожая нравственность. Не менее страшны необратимые последствия, связанные с наследственными, генетическими изменениями, падение рождаемости, рост числа дебильных детей, наконец просто физическая гибель людей». В письме имелись практические предложения из шести пунктов.

Президент не ответил.

Ответил академик — секретарь ОКМ АМН, который отфутболил мое письмо директору ВНЦПЗ АМН А. В. Снежневскому. Что такое ОКМ и ВНЦПЗ, я не знал, поэтому попробовал еще раз связаться с академиком Н. Н. Блохиным. Мне дали достойную отповедь:

«Уважаемый тов. Белов! Письмо Ваше Президент АМН СССР счел нужным передать академику АМН СССР Снежневскому А. В., который дал Вам исчерпывающий ответ».

В «исчерпывающем» ответе академика Снежневского говорилось, что «алкоголь не относится к разряду наркотиков».

Какая же все-таки странная вещь эта наука! Академик Яншин говорит о «проекте века» одно, а директор Института водных проблем Воропаев — совсем иное, причем нечто противоположное не только Яншину, но вообще здравому смыслу. Неужели это и есть тот самый принцип демократизма и гласности? Всемирная организация здравоохранения единодушно считает алкоголь наркотиком, а советский академик не считает. Так и вспоминается притча о прапорщике, который один шел в ногу, а вся рота — не в ногу. Впрочем, академик Снежневский, отрицающий наркотические свойства алкоголя, вовсе не одинок. Вспомним публичные выступле-

ния заступников культурного винопития. Не буду цитировать печатные высказывания «специалистов», призывавших не торопиться с радикальными мерами. Они требовали разработать вначале научные обоснования и лишь потом принимать правительственные решения. Мнимые борцы с пьянством очень смахивают на тех пожарников, которые при виде дыма, вместо того чтобы немедленно броситься тушить огонь, требуют обосновать способ тушения.

Пrestиж советской науки в борьбе с алкогольным пожаром был все же спасен, причем не наркологами и психиатрами, а такими учеными, как академик Ф. Г. Углов, доктор экономических наук Б. И. Искаков, ученые-сибиряки Жданов, Загоруйко и десятки, нет, сотни других. Подвижнические усилия этих ученых были поддержаны Центральным Комитетом КПСС. Победил здравый смысл. Было принято постановление по борьбе с алкогольной бедой. Трудно представить, сколько человеческих жизней сгорело бы, сколько задохнулось бы в пьяном угаре, пока специалисты подводили бы научные обоснования практических мер!

Но вот постановление принято и приобрело силу закона. Голоса скептиков, пугавших государственные органы пьяными бунтами, сразу затихли. Зато послышались иные, закордонные голоса. Зарубежные борцы за права, молчавшие до этого десятилетиями, вдруг начали проявлять интерес к нашему отрезвлению. Подзатихли после принятия постановления и сторонники культурной наркомании.

Потушен ли алкогольный огонь сейчас, проветрен ли наш общий дом от его дьявольского угара? Нет, огонь лишь притушен, во многих углах тлеет, и угар продолжает смердить. То, что сделано, было всего лишь срочно необходимым, неотложным. Нужно было хотя бы перевести дыхание, глотнуть свежего трезвого воздуха. Главная борьба ждет каждого честного человека, каждого гражданина. То, что сделано,— только начало. Но и это начало оптимистично. Спасены от преждевременной гибели тысячи, если не миллионы, сократилась преступность. Медленно, но все же меняется отношение к труду. Вот выдержки из доклада на недавнем партийном активе в Вологде:

«В прошлом году реализация спиртного в области сократилась на 40 процентов. И, как следствие, число

преступлений, совершенных в нетрезвом состоянии, уменьшилось почти на одну треть, автотранспортные происшествия по вине пьяных водителей сократились на 28 процентов. Общее число привлеченных к административной ответственности за пьянство снизилось на 29 процентов, прогулы в промышленности сократились почти на 50, потери рабочего времени — на 37 процентов. Лучше стала обстановка в семьях. Количество погибших в состоянии алкогольного опьянения уменьшилось почти в два раза».

Помню, как после публикации постановления многие женщины у меня на родине в Харовском районе Вологодской области плакали от радости. Некоторые приходили ко мне домой. Просили, чтобы я позвонил в Москву, передал благодарность за это постановление.

Перестройка немыслима без полного отрезвления, это надо понять каждому. Перестроиться на иной лад может лишь трезвый работник. Лицемерие половинчатой, а то и просто фиктивной борьбы за трезвость не всегда очевидно: сейчас «зеленый змей» обнаруживает еще и свойства хамелеона. Ходатай культурного винопития прячется в каждом, кто лично для себя не допускает полного отказа от алкоголя. Интересно, что большинство пьющих и выпивающих руководителей искренне убеждены в том, что индивидуальный «сухой» закон обедняет жизнь. Таким людям кажется, что отказ от алкоголя лишает человека определенной радости, делает его как бы в чем-то обкраденным или обделенным. Но человеку пьющему никогда не понять, что все обстоит как раз наоборот. Он может понять эту истину лишь после того, как сам, на своем опыте, узнает, что полный отказ от алкоголя как раз и делает жизнь богаче, шире и радостней...

Знаю, что, прочитав эту фразу, большинство так называемых «культурных пьющих» лишь ухмыльнется, потому что логика тех, кто совершенно свободен от наркотика, им пока недоступна и даже враждебна. Когда В. М. Шукшин с обычной для него решительностью принял для себя «сухой» закон, многие на «Мосфильме» перестали с ним здороваться. Умолчу о том, что он говорил, когда обнаружил этот внешне непонятный феномен...

Случай с В. М. Шукшиным вспомнился мне во время

разговора в одной московской больнице. Известный нарколог, доцент убеждал меня в том, что все народы издревле выращивали лозу, что вино — это поэзия и лишать людей этой поэзии глупо... Нужно, мол, просто учиться пить... Странно звучали эти сентенции в кабинете ученого, да еще нарколога!

От растерянности я даже позабыл, что, во-первых, далеко не все народы выращивали лозу, а если и выращивали, то необязательно для вина; во-вторых, отношение к алкогольному опьянению и у греков, и у древних римлян было вполне однозначным; в-третьих, в тот год в моем колхозе «Родина» от этой поэзии погибло еще несколько человек. Один замерз на снегу, другой повесился, третий отравился какой-то брагой, четвертый умер во время похмельного сна. Умерла от этой поэзии женщина-доярка. Почти все погибшие были в молодом возрасте... Как же после всего этого язык-то поворачивается, чтобы сравнивать наркотический яд с поэзией?

Мысль о том, что меры, предусмотренные постановлением, не принесут пользы, протаскивается и в газете «Московский комсомолец». Статья, вернее, диалог корреспондента с доцентом кафедры общей психологии МГУ начинается так:

«Алкоголь — это не алкоголь. И пить — это не значит пить водку и вино... И борьба с алкоголем — это борьба не с алкоголем». Далее в диалоге идет такая заумь, такая околесица, что становится стыдно за Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

«Правильно ли сейчас сделали, что алкоголь окружили ореолом запретности?» — спрашивает корреспондентка «Московского комсомольца» и тут же отвечает сама себе:

«Запретный плод сладок. По-моему, чем больше говорят, что нельзя пить, тем это действие становится более привлекательным для многих, заманчивым. И чем тяжелее спиртное достать, тем оно значимее».

Так рассуждает корреспондентка Алла Алова, а специалист по психологии личности Б. С. Братусь говорит, что бороться с наркоманией надо с помощью рок-музыки и дискотек, и предлагает «отрядить группу психологов и социологов на придумывание новых полезных духовных видов групповой экстремальной деятельности». Придумывать групповые, да еще экстремальные виды

деятельности я не берусь. Но берусь доказать, что дискотеки и рок-музыка в их теперешнем виде тесно связаны с полнейшей бездуховностью массовой культуры, следовательно, сдabiaвают почву для алкогольной и другой наркомании.

Шельмуя истинных пропагандистов трезвости, иные журналисты не брезгуют никакими средствами. Так, В. Матвеев и А. Соболевский (еженедельник «Наука в Сибири» от 5 марта 1987 года) пустили в ход специально придуманные «научные» термины: «алкоцентризм» и «шоковый метод». С помощью этих терминов компрометируется трезвенническое движение вообще, намеренно занижается алкогольная опасность в стране. Конечно, со временем лукавство таких терминов, как «алкоцентризм», становится очевидным, а их изобретатели разоблачают сами себя. Но подобные «научные» выступления становятся той зацепкой, которая нужна любителям пьяных бюджетов, пугающим нас финансовым крахом, провалом торговли...

Да, для тех, кто привык торговать лежа на боку, притом чуть ли не одной водкой, провалы в торговле есть и будут. Торговать, например, квасом в летний зной намного хлопотнее, чем водкой. И терпения надо больше, и времени, и посуды. Демагогия по поводу того, что нечем платить зарплату, объединила в одну компанию и высокопоставленного плановика, вопящего о финансовых трудностях, и завсегдатая винных очередей, оправдывающего свое нравственное падение государственной необходимостью. Удивительно это сходство доводов!

Какой был самый главный довод противников сокращения производства и продажи алкоголя? Они говорили: «Народ этого не поймет. Не примет».

Народ не только понял и принял, но требует еще более жестких ограничений. Об этом свидетельствуют тысячи писем в редакции газет и журналов, в партийные и правительственные органы. Сразу после постановления во многих местах сельской местности на сходах и общих собраниях выносились решения о полном запрете алкоголя. К сожалению, не всегда и не везде эти решения были поддержаны сверху. Хуже того, некоторые райисполкомы в той или иной форме отменяли решения сходов. Такие случаи были. Я разговаривал со многими председателями райисполкомов. Торгово-финансовый

оборот и впрямь лихорадило. Надо было начисто менять структуру торговли, иными словами, перестраиваться. Но психология кабатчика устраивала многих плановиков, финансистов, экономистов, бухгалтеров и даже рядовых продавцов.

Перед принятием постановления скептики доказывали: запрет не принесет пользы, поскольку (второй довод!) будут гнать самогон. Что за странная логика? По такой логике, например, не надо вовсе лечить грипп, поскольку вирус имеет способность приспосабливаться к новым условиям. Ясно даже неспециалисту, что кустарное производство с промышленным несравнимо. (Если даже вся Вологда начнет гнать самогон, ей все равно не угнаться за одной лишь поточной линией Вологодского ликеро-водочного завода.)

Кроме того, ведь существует закон, подразумевающий карательные меры относительно самогонщиков.

Но самым главным доводом у заступников народной беды был тот, о котором я говорил в начале статьи. «Ежели я не буду пить, государство завтра же прогорит!» — кричит забулдыга. «Народ нас не поймет!» — вторит забулдыге чиновник, которому не хочется перестраиваться. Они сошлись во мнениях. Они толкуют одно и то же по поводу снятия стрессов, насчет пустых денежных касс, о том, что участились случаи отравления эрзацами, что очереди за вином позорят Москву перед иностранцами и т. д. Лукавство «стрессовой» темы ждет еще собственного разоблачения, ведь большинство этих стрессов как раз и обусловлено пьянством. А вот тема «пустых касс» уже разоблачает себя. Целые города, целые области научились торговать по-новому. Эрзацами и всевозможной химией пользуются лишь патологические пьяницы. А что касается винных очередей, то позорят они не Москву, а самих стоящих в очередях. Что ж, пусть стоят, если есть время и лишние деньги! Но я убежден, что такие очереди рано или поздно начнут таять, истончаться, наконец и исчезать, подобно кошмарным видениям. И произойдет это не за счет расширения пьяных прилавков, а за счет медленного, постепенного сокращения клиентов, демонстрирующих в этих очередях убожество духа.

Джек Лондон, обращаясь к молодежи, писал в книге «Джон Ячменное Зерно»: «...как тот, кто пережил кровавую войну, восклицает: «Долой войну!», — так я кри-

чу: «Долой алкоголь! Не отравляйте молодые жизни этим ядом!» Единственный способ прекратить войну — перестать воевать, единственный способ прекратить пьянство — перестать продавать алкоголь. Мы умеем уберегать детей от мышьяка и стрихнина, от тифозных и туберкулезных бацилл. Примените такие же меры к ячменному зерну! Запретите его! Не выдавайте патентов и разрешений на кабаки, пусть ячменное зерно не подстерегает молодежь на каждом шагу! Я пишу, — продолжает Дж. Лондон, — не об алкоголиках и не для алкоголиков, а для юношей, которые ищут интересной жизни и веселого общества».

Писатель мечтал о том времени, когда «юноши будут узнавать из исторических книг, что в прошлом люди ходили в кабак, и это покажется им таким же диким обычаем, как бой быков и сожжение ведьм на кострах».

Помечтаем об этом и мы вместе с писателем-романтиком. Ведь множество наших мечтаний, например, полет на Луну, мы научились прекрасно осуществлять. Почему бы не осуществить и еще одну мечту? Она вполне осуществима!

1987

ПИСЬМО В «ПРАВДУ»

Документальному фильму «Легко ли быть молодым» на фестивале в Тбилиси присужден главный приз. Пресса дружно, захлеб славословит создателей фильма. Резонно спросить: а за что? Хотя многие кинокритики давно пренебрегают осторожностью в маскировке второго смысла, не будем наивными. Иллюзия предельной искренности завораживает зрителя. Заворожить читателя хвалебных кинорецензий труднее, но тоже можно. Итак, за что же нынче, во времена перестройки, даются призы?

Уже в самом названии фильма можно легко обнаружить ответ на такой вопрос. Когда не получается лобовая атака, прибегают к обходным маневрам либо пробуют разгромить противника по частям. Древнейший прин-